

Мирон

и школа Чароведения

Хранитель
Морозного Пламени

В. Свет

В. Свет

Мирон и Школа Чароведения: Хранитель Морозного Пламени

<https://litres.ru/74216384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в Беловодскую Школу Чароведения, самую скрытую и самую душевную школу в мире! Здесь студенты учатся слышать Живу — жизненную силу, пронизывающую всё вокруг, — и управлять стихиями. Факультет Северный Путь ждёт тех, в ком течёт кровь Хранителей, а Морозное Пламя — редкий дар, способный исцелять.

Духи танцуют у Древа Жизни, Жар-трава поёт в оранжерее, а Вьюжники — пушистые зверьки, похожие на помесь зайца и совы, — помогают студентам не проспать завтрак. Древние Чертоги, спрятанные в лесу, хранят тайны, которые не разгадаешь без друзей, а за границей школьных земель пробуждается то, что спало веками.

Содержание

Глава 1. Письмо из Беловодья	4
Глава 2. Дорога в Беловодье и Четверо Врат	28
Глава 3. Первый урок и Лесной Шёпот	47
Глава 4. Первый Чертог	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

В. Свет

Мирон и Школа

Чароведения: Хранитель Морозного Пламени

Глава 1. Письмо из Беловодья

Если бы Мирону Ветрову кто-нибудь сказал, что в свой двенадцатый день рождения он будет стоять посреди двора в драной фуфайке, а его родная тётка — бежать за ним с ухватом наперевес, Мирон бы, наверное, нисколько не удивился. Тётка Дуся и так бегала за ним с ухватом довольно часто. Обычно по четвергам. Почему по четвергам — Мирон понятия не имел, просто так сложилось исторически. Сегодня, на беду, была среда, но повод нашёлся отличный: печка опять взорвалась.

Деревня Борки, притулившаяся на берегу обмелевшей речушки, в этот хмурый сентябрьский день выглядела так, словно весь остальной мир про неё забыл, а она сама была не против. Три десятка покосившихся изб, разбитая грунтовка,

которую в распутицу развозило по колено, и вечно пасмурное небо, будто придавленное серой ватой. В такую погоду хорошо сидеть на печи и грызть сухари, но Миронова печь, как мы уже упомянули, взорвалась.

Началось всё тихо-мирно. Тётка Дуся с утра ушла к соседке — лечить расшатанные нервы мятным чаем и разговорами про тяжёлую женскую долю. Мирон остался в избе один. В кои-то веки можно было посидеть в тишине, почитать старый потрёпанный учебник по природоведению или просто помечтать. Но вместо этого он решил растопить печь. По-хозяйски, по-взрослому. Чтобы тётка вернулась и ахнула: «Надо же, племянничек, какой ты у меня молодец, а я-то думала, у тебя руки не из того места растут». Ничего такого она, конечно, никогда не говорила, но Мирон не терял надежды.

Он натаскал из сеней сухих берёзовых щепок, аккуратно сложил их колодцем, как учили ещё в начальной школе на уроке труда, сверху накидал бересты, поднёс спичку. Береста занялась весело, щепки затрещали, и Мирон уже мысленно похвалил себя. Но тут случилось странное.

Пламя в печи вдруг сменило цвет с оранжевого на голубой. Не как у газовой горелки, а совсем другой — глубокий, синий, какой бывает у сумеречного неба в январе. И вместе с

этим цветом из топки потянуло холодом. Мирон попятился. Холод нарастал. Пламя вытянулось длинным языком, лизнуло кирпичный свод, и в следующий миг раздался грохот. Печная заслонка вылетела в сени, сбив ведро с водой, а из трубы повалил синий дым с запахом озона и мокрого снега.

Мирон упал на пол, прикрывая голову руками. На него посыпалась сажа, но не горячая, а ледяная, колючая, как сухой снег в метель. Когда он рискнул поднять глаза, печь выглядела так, будто внутри неё разорвалась небольшая петарда: кирпичи пошли трещинами, заслонка лежала в трёх шагах от порога, а ведро перевернулось. Но самое удивительное — на полу вокруг печи расцвели морозные узоры. Тонкие серебристые нити льда разбежались по половицам, словно кто-то дунул на них ледяным дыханием.

Вот тут-то и вернулась тётя Дуся.

— Опять?! — взвизгнула она с порога, узрев картину разгрома. — Опять печку взорвал, охальник! Да что ж ты за наказание такое! Двенадцать лет парню, а ума — как у дитёнка грудного! Ты что туда кинул, отвечай, пока я тебя самого в печь не запихнула!

Мирон, пятясь к выходу, пытался объяснить, что ничего не кидал, что печка сама, что синее пламя, но тётка уже схва-

тила ухват — длинную деревянную рогатину, которой обычно чугуны в печь ставят, — и двинулась на него с решимостью женщины, которая устала от выходов племянника.

— Я ничего! — закричал Мирон, выскакивая во двор. — Честное слово, она сама!

— Сама-а-а?! — взвыла тётя Дуся, выбегая следом. — А кто у меня в прошлый четверг окна льдом затянул, когда я просила их помыть?! Кто в июне в избе стужу устроил, что у меня рассада помёрзла?! «Сама»! Врёшь ты всё, паразит!

Она бегала за ним вокруг поленницы, размахивая ухватом. Мирон уворачивался с ловкостью, выработанной годами практики. Со стороны это, наверное, напоминало какой-то дикий народный танец. Куры с кудахтаньем разбежались в стороны, пёс Трезор — старый, облезлый, но ещё бодрый — залился хриплым лаем. Из-за забора высунулась любопытная соседка, та самая, что поила Дусю чаем, но, увидев ухват, тут же скрылась обратно.

Наконец тётка утомилась. Ухват опустился, она привалилась к поленнице, тяжело дыша и вытирая пот со лба.

— Всё, — выдохнула она, — уйди с глаз моих долой. Чтоб до ужина я тебя не видела. И чтоб печь починил. Иначе но-

чуешь в сарае.

С этими словами она развернулась и ушла обратно в дом, громко хлопнув дверью. Мирон остался во дворе один. Трезор, поняв, что представление окончено, подбежал к нему, виляя хвостом, и лизнул руку. От пса пахло мокрой шерстью.

— Вот так денёк рождения, — пробормотал Мирон, поглаживая собаку за ухом. — Ни тебе подарков, ни гостей, только печка взорвалась. И почему со мной вечно что-то не так?

Он и правда не понимал. Странности преследовали его сколько он себя помнил. Ещё в раннем детстве, когда он играл во дворе, в разгар лета вокруг него вдруг начинали кружиться снежинки. Тётка говорила — «привидится», но Мирон-то помнил, как ловил их ладонями и они таяли. В школе, когда он нервничал или злился, на стёклах появлялся иней. Одноклассники быстро заметили это и прозвали его «Морозильником». Сначала просто дразнили, потом стали сторониться. Учителя качали головами, вызывали тётку на разговоры, но та только отмахивалась: «Мальчишка как мальчишка, чего выдумали». И всё же Мирон видел, как она украдкой крестилась и поджимала губы, когда он случайно что-нибудь «выдавал».

В свои двенадцать он был худым, нескладным, с вечно лохматыми светлыми волосами и глазами странного серого цвета — не просто серого, а с искоркой голубизны, как у льда на реке. Ростом не вышел, силой тоже, но зато обладал цепким умом и способностью подмечать мелочи, которые другие упускали. Одиночество научило его многому: например, разговаривать с собакой так, словно она всё понимает, или читать одну и ту же книгу по семь раз, находя в ней новый смысл. Но больше всего он мечтал о чуде. О том, что однажды всё изменится, и он перестанет быть «странным Мирон-Морозильником», а станет кем-то важным. Кем-то, кого не боятся, а уважают. Может быть, даже героем.

Но пока что он был просто мальчиком, сидящим на крыльце старого бревенчатого дома в забытой богом деревне, и смотрел, как по серому небу плывут тяжёлые облака.

«С днём рождения, Мирон. Подарок — опять никто не пришёл, и печка взорвалась. Молодец».

Трезор, словно почувствовав его настроение, положил морду ему на колени и жалобно заскулил.

Внезапно над двором что-то прошелестело. Мирон вскинул голову. Ничего. Только облака. Трезор насторожился,

поднял уши и заворчал. Звук повторился — словно кто-то провёл гигантским крылом по воздуху. А затем на ступеньку перед Мироном, кружась и покачиваясь, опустился лист бумаги.

Нет, не просто лист. Конверт.

Он был из грубой, будто ручной выделки, желтоватой бумаги, слегка шероховатой на ощупь. По краям шла тёмно-синяя кайма с узором в виде сплетённых снежинок и каких-то рун. На лицевой стороне красовалась большая сургучная печать насыщенного алого цвета. Оттиск изображал диковинную птицу с распостёртыми крыльями — не то сову, не то орла, а может, что-то совсем иное, потому что в когтях птица держала не ветвь и не стрелы, а крошечный сияющий кристалл.

Мирон покрутил конверт в руках, ожидая, что тот сейчас исчезнет или окажется какой-нибудь шуткой местных мальчишек. Но конверт был настоящим, плотным, и от него пахло — странно, но очень приятно — зимним лесом, хвоей, дымом далёкого костра и чем-то ещё, чему Мирон не мог подобрать названия. Может быть, так пахнет само волшебство.

Надпись на конверте была сделана чернилами, красивым крупным почерком, каким в старину писали писцы. Буквы

были слегка вычурными, с завитками на «М» и «В», и отличались на свету тёмно-синим.

«Мирону Ветрову, деревня Борки, дом номер восемь, что у покосившейся берёзы. В собственные руки».

Мирон прочитал адрес трижды, потом перевернул конверт и посмотрел на печать. Сомнений не оставалось: письмо предназначалось именно ему. Никто в Борках не знал его адреса так точно. Да и кому бы пришлось в голову писать ему — сироте, над которым все только смеялись?

— «В собственные руки», — прошептал он.

Трезор ткнулся носом в конверт, чихнул и отступил, виновато виляя хвостом. Мирон вздохнул, сломал печать, сдирая сургуч с хрустом, и развернул лист. Внутри лежал ещё один листок, поменьше, но первым делом он принялся читать основное письмо.

Строчки поплыли перед глазами.

«Уважаемый Мирон Ветров!

Имеем честь сообщить, что Вы приняты в Беловодскую Школу Чароветения. Занятия начинаются с тринадцатого

сентября сего года. Просим Вас прибыть в указанный срок к платформе «Лесная-Западная», где Вас встретит провожатый.

Прилагаем список необходимых вещей:

1. Посох (любой длины, желательно рябиновый или дубовый).
2. Котёл (медный, не менее трёх пинт, с плотной крышкой).
3. Одежда: кафтан форменный чёрный, шуба лёгкая студенческая, три пары варежек (шерстяных, не из синтетики).
4. Зельеварческий инвентарь: три банки болотного тумана, четверть фунта толчёного змеевика, сушёные стрекозы крылья (не менее дюжины).
5. Учебники: «Основы Живы: как не испортить стихию» (авт. Златогор Медведев), «Бестиарий лесов, полей и подкроватных существ» (авт. Варвара Лютова), «Морозное Пламя: миф или проклятие?» (авт. неизвестен).

С уважением и надеждой увидеть Вас в стенах нашей школы,

Тихон Могутов,

Хранитель Ключей Беловодской Школы Чароведения.

P.S. Форму Вы получите по прибытии, на первое время можете обойтись своей одеждой, но варежки обязательны.

Зима в Беловодье сурова».

Мирон дочитал до последнего слова, перевернул лист, проверил, нет ли чего на обороте, снова перечитал. Буквы не менялись, не исчезали. Письмо лежало в его руках — осязаемое, настоящее, пахнущее лесом и снегом.

— Чаро-ве-дения, — произнёс он по слогам, будто про-
бовал слово на вкус. — Школа... магии? Меня? Да они ад-
ресом ошиблись. Или это тётка заказала какую-то дурацкую
шутку, чтобы меня проучить.

Он нервно засмеялся. Идея о том, что кто-то мог разыг-
рать его таким изощрённым способом, казалась одновремен-
но нелепой и пугающе правдоподобной. Может, деревенские
парни скинулись, купили у старьёвщика восковую печать и
написали всё это? Но почерк был взрослым, бумага — доро-
гой, а печать — настоящей, с мельчайшими деталями. Да и
кто в Борках знал про толчёный змеевик и болотный туман?

Он взглянул на второй листок, который выпал из конвер-
та. Это оказался небольшой рисунок, сделанный от руки чёр-
ной тушью: схематичная карта с указанием той самой плат-
формы «Лесная-Западная», а в углу — изображение птицы
с кристаллом, повторяющее печать.

Он спрятал письмо за пазуху и решил до поры ничего не говорить тётке. Сначала надо самому во всём разобраться.

Вечером тётя Дуся вернулась от соседки сама не своя. Обычно после чая она становилась разговорчивой и даже благодушной, но сегодня на ней лица не было. Бледная, молчаливая, она прошла в избу, мельком глянула на Мирона, который уже кое-как собрал осколки кирпичей и приладил заслонку на место, и ничего не сказала. Даже за печку не ругала. Это было настолько нетипично, что Мирон встревожился не на шутку.

Тётка села за стол, подпёрла голову рукой и долго смотрела в тёмное окно.

— Тёть Дусь, — нерешительно начал Мирон. — Я это... хотел спросить. Мне сегодня письмо пришло. Какое-то странное. Про школу волшебства.

Он протянул ей конверт.

Реакция тёти Дуси оказалась совсем не такой, как он ожидал. Она не засмеялась, не назвала его дураком. Она прочитала письмо — один раз, второй, — и её лицо сперва побелело, потом покрылось красными пятнами, а потом она резко сунула конверт обратно Мирону и сказала голосом, который

он слышал у неё лишь однажды — когда хоронили деда:

— Не было тебе никакого письма. Понял? Врёшь ты всё. Иди спать.

— Но тут же написано...

— Спать! — рывкнула она так, что Мирона словно ветром сдуло за занавеску в его угол.

Уже лёжа на жёстком тюфяке, он прислушивался к звукам из комнаты. Тётка долго ходила по избе, что-то бормотала, вздыхала. Один раз ему показалось, что она плачет. Потом стало тихо. И только тогда Мирон рискнул снова достать письмо из-под подушки.

Он перечитал его при свете луны, которая заглядывала в маленькое оконце. И тут заметил то, на что не обратил внимания раньше: водяные знаки на бумаге. Если смотреть под определённым углом, на листе проступали едва заметные узоры — не то карта звёздного неба, не то переплетение корней. А по краям, у самой кромки, виднелась микроскопическая надпись, которую можно было прочесть, только поднеся бумагу почти вплотную к глазам: «Дары предков не пропадают. Они ждут».

У Мирона пересохло во рту. «Дары предков»... Тётка никогда не рассказывала ему о родителях. Говорила только, что отец его «сгинул, и слава богу», а мать «померла родами». Но ни могил, ни фотографий, ни писем — ничего не осталось. Однажды Мирон, роясь на чердаке, нашёл старый ларец с выжженным на крышке символом — снежинкой, пронзённой огненным лучом. Но только он попытался его открыть, как налетела тётка, вырвала ларец и заперла в сундук, наказав никогда больше туда не лезть. Тот символ он запомнил накрепко.

И вот теперь этот же символ — снежинка с лучом — красовался в левом нижнем углу конверта, если посмотреть на него боковым зрением. Мирон перевёл взгляд на письмо: в самом конце, под подписью Тихона Могутова, был тот же самый знак, только едва заметный, словно прочерченный иглой.

Он не знал, что всё это значит, но сердце его забилося быстро-быстро. Мир вокруг него впервые за двенадцать лет начал обретать смысл. Станный, пугающий, но смысл.

Ночью он почти не спал. Ветер завывал в трубе, и ему мерещилось, что в этом вое кто-то зовёт его по имени: «Мии-рооон, Миии-рооон». Он сжимал под подушкой письмо и представлял: а что, если школа и правда существует? А что,

если его отец — которого он никогда не видел — тоже был... чародеем? Хранителем? Может быть, он не сгинул, а просто вынужден был скрываться? Может быть, он жив?

И ещё одна мысль, самая дерзкая: а вдруг в этой школе его, Мирона, наконец-то перестанут считать странным и неправильным? Вдруг там его поймут?

С этими мыслями он забылся тревожным сном только под утро.

Разбудил его грохот.

Нет, не грохот — ГРОХОТ. Такой, будто в дом въехал телегой сам Господь Бог, да ещё и кулаком по двери добавил. С потолка посыпалась побелка, Трезор на улице залился лаем, а тётя Дуся с криком «Господи, что ещё?!» скатилась с печи.

Мирон вскочил, путаясь в одеяле. За окном, сквозь мутное стекло, он увидел то, от чего у него перехватило дыхание.

На дворе стояла телега.

Обычная с виду деревенская телега с высокими бортами и дугой, но запряжена в неё была отнюдь не обычная лошадь.

Животное было огромным, мощным, с белоснежной гривой, которая светилась, как лунный свет. Его шкура отливала серебром, а из ноздрей вырывались облачка пара, которые не таяли, а кружились в воздухе крошечными снежинками. Глаза лошади горели мягким голубым светом, а хвост... хвост был вовсе не волосяным, а состоял из стремительного серебристого вихря, в котором плясали ледяные искры.

Но ещё удивительнее был возница. Он уже стоял перед дверью и колотил в неё кулаком размером с добрую кувалду.

— Открывай, Ветров! — гремел голос, от которого стёкла в рамах дрожали. — Время в Беловодье собираться!

Тётя Дуся, забыв про ухват, бросилась к двери и заперла её на засов.

— Кто это?! — прошептала она побелевшими губами. — Кто?!

— Так это... из школы... — начал было Мирон.

— Молчи! — зашипела она. — Сиди тихо, может, уйдёт!

Но гость не уходил. Он постучал ещё раз, да так, что засов жалобно скрипнул.

— Евдокия Ветрова! — прогремел голос. — Я знаю, что ты дома! Открывай по-хорошему, а то ведь я и через окно залезу! Я Хранитель Ключей, для меня замков нет!

Тётя Дуся заметалась по избе, потом схватила Мирона за руку и потащила в чулан. Запихнула его туда, задвинула засов и прошипела:

— Сиди и не высовывайся!

Сама же, набрав в грудь воздуха, вернулась к двери.

— Кого там нелёгкая принесла в такую рань?! — спросила она, стараясь придать голосу уверенности.

— Меня, Тихона Могутова, принесла та самая нелёгкая, которую вы, Ветровы, уже третий век к себе зовёте, хоть и не знаете об этом! — хохотнули за дверью. — Отворяй, Евдокия, не дури. Парню пора. Не мне тебе объяснять, что за кровь в нём течёт.

Повисла долгая пауза. Мирон, прильнув к щели в досках чулана, видел, как тётка стоит посреди избы, сжимая кулаки, и по её щекам текут слёзы.

— Не отдам, — прошептала она. — Брат велел беречь.

— Брат твой, Светозар, — голос за дверью вдруг стал тихим и серьёзным, — велел тебе беречь сына до тех пор, пока не придёт время. Время пришло, Дуся. Ты сама знаешь. С ним ничего не случится. Я обещаю. Дай срок, он ещё всех нас спасёт.

Мирон услышал всхлип. А потом тётка медленно, словно во сне, отодвинула засов и открыла дверь.

На пороге стоял человек-гора. Огромный, широкоплечий, в длинном овчинном тулупе, распахнутом на груди, несмотря на холод. Борода у него была до пояса, густая и седая, а волосы схвачены ремешком. На ногах — валенки, подбитые серебряными подковами. В одной руке он держал посох, на который была нанизана связка сушёных грибов и что-то вроде фляги, а в другой — большой бубенец.

Лицо его, обветренное и морщинистое, светилось добродушием, но в глазах читалась древняя сила.

— Ну, здравствуй, Евдокия, — сказал он мягко. — Давно не виделись. А ты постарела.

— А ты ничуть не изменился, Тихон, — сухо ответила тёт-

тя Дуся. — Всё такой же нахал. Заходи, коли пришёл. Только ноги вытри.

Тихон Могутов вошёл в избу, и она сразу стала казаться меньше. Огляделся, заметил следы взрыва на печи и понимающе кивнул.

— Вижу, парень в отца пошёл. У того тоже посуда билась, когда он злился. А ну, показывай, где новобранец?

Тётя Дуся молча кивнула в сторону чулана. Мирон, поняв, что прятаться дальше бессмысленно, вышел. Тихон устоял на него сверху вниз, прищурился, потом взял за подбородок, повертел лицом к свету и удовлетворённо хмыкнул.

— Ветровская порода. Серые глаза, скулы упрямые, и главное — искра в них. Есть Морозное Пламя, есть. Хоть и спит пока.

— Ничего не спит, — буркнула тётя Дуся. — Печку вон разнёс.

— Печка — это цветочки, — хохотнул Тихон. — Ты бы видела, что его батюшка в его возрасте вытворял! Однажды целое озеро заморозил в июле, вместе с русалками. Те потом такой скандал Водяному устроили...

— Не напоминай, — поморщилась тётя Дуся.

Мирон переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая.

— Так вы... знакомы? — спросил он.

— Знакомы, парень, — кивнул Тихон. — Я твоего отца знал ещё когда он под стол пешком ходил. И матушку твою знал. Хорошие люди были, светлые. А теперь я за тобой приехал, как за твоим отцом когда-то. И как за дедом твоим когда-то. И за прадедом. Так что, Ветров, собирай манатки. Путь до Беловодья неблизкий, а портал откроется только до полудня.

— Портал? — переспросил Мирон. — А где мой посох? И котёл? И болотный туман?

— А что, есть? — поднял бровь Тихон.

— Нет...

— И не надо. Это я так, для проформы в списке написал. На самом деле всё нужное в школе дадут. А вот три пары варёжек — это я серьёзно. Зима у нас суровая. Есть варёжки?

Тётя Дуся, не говоря ни слова, вышла в сени и вернулась с вязаными варежками — синими, с белыми снежинками.

— Держи, — сказала она отрывисто, сунув их Мирону. — Сама вязала. К зиме готовилась. Видно, судьба.

Мирон прижал варежки к груди. От них пахло домом.

— Спасибо, тётя Дуся.

— Не за что, — буркнула она и отвернулась. — Ты это... пиши хоть иногда. Если почта дойдёт.

— У нас почта особая, — улыбнулся Тихон. — Дойдёт, не сомневайся. Ну, Ветров, берём вещи — и в путь. Сивка заждалась.

Он подтолкнул Мирона к выходу. На пороге Мирон обернулся. Тётя Дуся стояла посреди избы, сгорбившись, словно из неё выпустили воздух. И, впервые за всё время, он увидел в её глазах не раздражение и не усталость, а тоску.

— Тётя Дуся... — начал он.

— Иди, — махнула она рукой. — Иди уже. Не май душу.

И захлопнула дверь.

Телега, на которую Тихон усадил Мирона, оказалась на удивление удобной. Сиденье было выстлано медвежьей шкурой, а под ногами лежал тёплый камень, который грел, но не обжигал. Тихон взгромоздился на облучок, взял вожжи и свистнул. Сивка всхрапнула, ударила копытом по земле, и от удара во все стороны разбежались трещинки с инеем.

— Трогай, родимая! — гаркнул Тихон.

Телега плавно, без единого толчка, покатила по двору, выехала на просёлочную дорогу и начала набирать ход. Трезор бежал следом до самого околичного столба, заливаясь лаем, а потом отстал и долго ещё стоял на дороге, провожая их взглядом.

Борки быстро остались позади. Мирон сидел, вцепившись в край телеги, и смотрел, как мелькают знакомые с детства пейзажи: вот старая мельница, где он играл в прятки, вот берёзовая роща, куда ходил с ребятами за грибами (пока ребята не перестали звать его с собой), вот мост через речушку, которая летом почти пересыхала, а сейчас была покрыта тонкой плёнкой льда. И всё это уходило, отдалялось, становилось меньше, пока вовсе не скрылось за поворотом.

— Ты, главное, не дрейфь, — проговорил Тихон, не оборачиваясь. — Поначалу всем страшно. И твоему батюшке страшно было. Но Беловодье — место хорошее. Примет тебя. И друзей себе найдёшь, и учителей мудрых. И силу свою освоишь. А сила у тебя, парень, ой какая непростая. Морозное Пламя — дар редкий.

— Расскажите про отца, — попросил Мирон. — Пожалуйста. Тётка всегда молчит, а мне... мне важно.

Тихон помолчал немного, потом кивнул:

— Ладно. Но только часть. Остальное сам узнаешь, когда время придёт.

Он прищёлкнул языком, и Сивка побежала ровнее.

— Отца твоего звали Светозар. Был он сильным чародеём, Верховным Хранителем Двора. Владел Морозным Пламенем так, как никто до него. Люди его уважали, но и боялись. Потому что сила эта — она как огонь и лёд одновременно: может обогреть, а может и сжечь дотла. Когда пришла беда и в мир попытался вернуться Владыка Вечной Стужи, Светозар встал против него. И... пропал. Говорят, предал. Но я в это не верю. Я твоего отца знал — он был честный чело-

век. Что-то там случилось такое, чего никто до сих пор не понимает.

— А мама? — тихо спросил Мирон.

— Матушка твоя, Весения, была из рода целителей. Добрая душа. Когда Светозар пропал, она ушла искать его. И не вернулась. Ты тогда совсем крохой был. Вот тётка Дуся тебя и взяла. Она сестра Светозара, но сама магии не обучена. Боялась всего этого, как огня. Потому и молчала.

Мирон опустил голову. В груди разливалось странное чувство — смесь горечи, гордости и острой, почти болезненной надежды.

— Я узнаю, — сказал он тихо. — Я всё узнаю.

— Не сомневаюсь, — отозвался Тихон. — А теперь замри-ка на минутку.

Дорога впереди изменилась. Прямо посреди поля возник лес, которого секунду назад не было. Огромные ели выросли, словно по волшебству, и между ними сияла золотая завеса. Тихон направил телегу прямо туда.

— Врата, — пояснил он. — В Беловодье можно попасть

только через них. Держись крепче.

Телега въехала в свет, и мир вокруг Мирона исчез, утонул в золотом сиянии, чтобы через мгновение возродиться заново — в месте, о котором он не смел даже мечтать.

Глава 2. Дорога в Беловодье и Четверо Врат

Телега вынырнула из золотого сияния так же внезапно, как и попала в него. Мирон зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что они больше не едут по просёлочной дороге среди полей. Вокруг стоял лес — но не тот сибирский, к которому он привык, а какой-то особенно густой, древний, с замшелыми стволами и кронами, уходящими в самое небо. Пахло прелой листвой и грибами, а где-то вдалеке куковала кукушка — так чисто и звонко, будто весь остальной мир замер, чтобы её послушать.

Прямо перед телегой возвышалась платформа, сколоченная из толстых дубовых досок. На столбе висела табличка с надписью, выжженной по дереву: «Лесная-Западная». Вокруг платформы толпились люди — или, по крайней мере, те, кого Мирон поначалу принял за людей. Присмотревшись, он понял, что публика тут собралась весьма разношёрстная. Молодая женщина в длинном плаще держала в руках клетку с живым вороном, который посматривал по сторонам с выражением крайнего неодобрения. Двое мужчин с посохами, похожих на братьев, о чём-то спорили, и из их посохов

то и дело вылетали снопы искр. Стайка девочек в цветастых платках хихикала, разглядывая иллюстрированный свиток. А чуть поодаль стоял мальчик с огромным чугунным котлом, который он явно не смог донести сам, и теперь котёл тащился за ним на коротких кованых ножках, сердито бурча и спотыкаясь о корни.

— Приехали, — объявил Тихон, спрыгивая с телеги и помогая Мирону спуститься. — Дальше ты сам. Иди к платформе, жди провожатого. Как только все соберутся, вас поведут через Врата напрямик в Беловодье. А мне пора — дела Хранителя Ключей не ждут.

— Как же я узнаю провожатого? — растерянно спросил МIRON.

— Не беспокойся, он сам тебя узнает. — Тихон широко улыбнулся и вдруг, наклонившись, тихо добавил: — И вот ещё что. В Беловодье не сразу всё будет гладко. Люди разные, а сила твоя многих пугает. Но ты помни: ты — Ветров. А Ветровы никогда не прогибались.

Он хлопнул МIRONA по плечу, отчего тот едва не упал, снова взгромоздился на облучок, свистнул, и Сивка, взмахнув своим серебристым хвостом, унесла телегу обратно в сияние, которое тут же погасло, оставив после себя лишь запах

озона и лёгкое облачко снежной пыли.

Мирон остался один. Он подошёл к платформе, сжимая в кармане письмо, и огляделся. Никто не обращал на него особого внимания — все были заняты своими делами. Только тот мальчик с котлом, заметив Мирона, помахал рукой.

— Эй! Ты тоже новенький? — крикнул он.

Мальчик был круглолицый, в больших круглых очках, которые то и дело сползали на нос. Волосы у него торчали во все стороны, а на щеке виднелось пятно от сажи. Котёл, стоявший рядом, тихо шипел и выпускал пар.

— Я Петька Свиридов, — представился он, подходя ближе. — Еле добрался. У меня котёл оказался с характером: не захотел ехать в телеге, пошёл пешком. Представляешь? Котёл! На ножках! А я за ним бежал три версты!

— Мирон, — коротко ответил Мирон, пожимая протянутую руку. — А твой котёл... он что, живой?

— Да вроде как полуживой, — Петька поправил очки. — Это мамина поделка. Она у меня зельевар, говорит, чтобы ингредиенты не тухли, нужен котёл, который сам себя греет. Но, кажется, она перестаралась с наговором оживления, и

теперь он вдобавок вредничает. Вчера съел мою шапку. Пришлось новую вязать.

Петька показал на свою голову, где красовалась криво связанная шерстяная шапка с неровными полосками. Мирон невольно улыбнулся. Петька казался смешным и немного нелепым, но в его глазах светилась такая искренняя радость, что невозможно было не проникнуться симпатией.

— А ты откуда? — спросил Петька.

— Из Борков. Это в Сибири.

— Ого! Это ж далеко! А я из-под Вологды. У нас там леса дремучие, самое место для зельеваров. А ты, значит, из простых? Или у тебя родственники чародеи?

Мирон замялся. Рассказывать незнакомому мальчику про отца-Хранителя и Морозное Пламя почему-то не хотелось.

— Я... не знаю точно, — уклончиво ответил он. — Меня тётка растила. Она не волшебница.

— Понимаю, — с готовностью закивал Петька. — У меня папа тоже не маг, он кузнец. Но мама говорит, что магия иногда просыпается через поколения. Может, у тебя прабаб-

ка была чародейкой? Или дед?

— Может быть, — тихо сказал Мирон.

В это время к платформе подошла девочка с корзинкой в руках. Она была одета в расшитый сарафан, русые волосы заплетены в тугую косу, а серые глаза смотрели на мир серьёзно и оценивающе. В корзинке что-то тихо покашливало.

— О, ещё одна! — воскликнул Петька. — Привет! Я Петька, а это Мирон. Мы тут новенькие. А ты?

— Соня Медведева, — представилась девочка. — Из рода знахарей. Мы с малых лет травы собираем и стихии слушаем. А это — Жар-трава. — Она приподняла крышку корзинки, и оттуда высунулся золотистый стебелёк с алым цветком, который мягко светился в полумраке леса. — Я её взяла с собой, потому что она без меня скучает. И ей полезно путешествовать.

— Жар-трава! — восхищённо выдохнул Петька. — Я читал! Она в темноте светит и лечит ожоги! А ещё, говорят, если её правильно заварить, можно увидеть будущее!

— Мама говорит, что видеть будущее — это баловство, — строго сказала Соня. — Лучше уметь лечить настоящее.

А вы откуда?

Петька тут же принялся рассказывать про свой котёл и Вологду, но Мирон смотрел на Соню с интересом. Она держалась так уверенно, словно давно знала, что магия — это не чудо, а повседневная работа. От неё веяло спокойствием и надёжностью.

— У тебя очень живая трава, — заметил Мирон. — Она прямо светится.

— А ты наблюдательный, — слегка улыбнулась Соня. — Это хорошо. В магии важно замечать детали.

Тем временем на платформе стало больше народу. Появились и другие будущие ученики — кто-то с родителями, кто-то один. Высокий мальчик с надменным лицом, одетый в щегольской зелёный кафтан, стоял поодаль и с пренебрежением разглядывал толпу. Рядом с ним почтительно замерли двое мальчишек поменьше, с такими же зелёными нашивками на одежде.

— Это Яромир Златов, — тихо сказала Соня. — Я его знаю. Их род — Громобои. Боевые маги. Говорят, они триста лет назад Хранителей... Ну, в общем, они их не любят.

Мирон насторожился. Яромир в этот момент как раз скользнул по нему взглядом, но ничего не сказал — только презрительно скривил губы и отвернулся.

— А что такое Хранители? — спросил Петька, не заметивший этой сцены.

— Потом объясню, — перебила Соня. — Смотрите, кажется, за нами пришли.

Действительно, воздух перед платформой задрожал, и из него выступила высокая женщина в синем платье, расшитом звёздами. Её седые волосы были уложены короной, а в руке она держала длинный посох, увенчанный светящимся кристаллом. Вокруг неё словно мерцал ореол — или, может, это просто туман играл в лучах солнца, пробивавшихся сквозь кроны.

— Я Ведунья Власта, — произнесла она негромко, но голос разнёсся далеко по лесу. — Хранительница Школьной Летописи и наставница факультета Тайнобор. Сегодня я проведу вас в Беловодье. Прошу всех следовать за мной и не отставать: лес здесь старый, с норовом, может и запутать, если отбиться от группы.

Она повернулась и шагнула в лесную чащу. Толпа завол-

новалась и потянулась следом. Мирон, Петька и Соня шли рядом, держась друг друга. Котёл Петьки шагал сам, смешно переставляя короткие ножки.

Они углублялись в лес, и чем дальше, тем страннее становилось вокруг. Деревья росли всё выше, их стволы покрывались мхом, который светился бледно-голубым. В воздухе порхали крошечные огоньки — не светлячки, а скорее духи, потому что они тихо позвякивали и переговаривались высокими голосами. Один такой огонёк сел Мирону на плечо, внимательно посмотрел ему в глаза, чихнул и улетел.

— Это лесовички, — объяснила Соня. — Мелкая лесная нечисть. Они безобидные, но любопытные. Если увидят сильную магию, сразу летят смотреть.

— Значит, Мирон — сильная магия? — удивился Петька.

— Похоже на то, — задумчиво сказала Соня.

Наконец они вышли на большую поляну. В центре поляны стояли четыре арки, сложенные из разных материалов: одна — из живого дуба, переплетённого плющом, другая — из красного кирпича, с которого капала вода, третья — из обсидиана, украшенная перьями, и четвёртая — из чистого льда, который не таял. Каждая арка вела в сгусток света сво-

его цвета: дубовая — в золотой, кирпичная — в зелёный, обсидиановая — в белый, а ледяная — в синий, мерцающий, как полярная звезда.

— Четверо Врат, — провозгласила Ведунья Власта. — По числу факультетов. Златоцвет проходит через Золотые Врата, Громобой — через Зелёные, Тайнобор — через Белые, а Северный Путь — через Ледяные. Но сначала мы все войдём через общий портал, в школу, а распределение будет вечером. Так что не пугайтесь, если какая-то арка вас притягивает — это ваша стихия зовёт.

Мирон не мог оторвать взгляда от Ледяной арки. Она словно пела — тихо, на грани слышимости, и холод, исходивший от неё, был ему странно приятен. Он чувствовал, как внутри что-то отзывается, как ладони слегка покалывает.

— Идёмте, — скомандовала Власта и шагнула в золотую арку.

Один за другим ученики проходили через портал. Когда подошла очередь Мирона, он задержался на миг перед Ледяной аркой, и та словно подмигнула ему синим огоньком. Затем он тряхнул головой и шагнул в общий портал.

Ощущение было такое, будто его на секунду разобрали на

мельчайшие частицы, а потом собрали обратно. Когда мир снова приобрёл чёткость, Мирон стоял на широкой поляне перед огромной крепостью.

Беловодская Школа Чароветения возвышалась на холме, словно сказочный терем, увеличенный во сто крат. Стены были сложены из вековых брёвен, потемневших от времени, но при этом совершенно целых, будто время их не брало. Над стенами высились башни с резными куполами: один купол был увит живыми цветами, другой — опоясан молниями, третий — укутан туманом, из которого выглядывали призрачные птицы. На самом высоком куполе, в центре крепости, горело мягкое синее сияние, и Мирон сразу понял: это купол Северного Пути.

Ворота школы были распахнуты настежь, и над ними светящиеся руны складывались в надпись: «Познай Стихию, познай Себя». Тут и там по двору сновали ученики в кафтанах разных цветов: золотистых, зелёных, белых, а иногда — очень редко — мелькали серебристо-синие. Воздух был напоён запахом хвои, пряностей и ещё чем-то, что Мирон определил как «запах магии» — терпкий, чуть дымный, напоминающий о грозах и зимних ночах одновременно.

— Ничего себе! — выдохнул Петька, придерживая очки.
— Это больше, чем я представлял! Да тут целый город!

— Это только главный двор, — заметила Соня. — Мама рассказывала, что школа занимает весь холм, включая подземелья и оранжереи. Говорят, там даже есть подземное озеро с русалками.

— Русалки! — Петька чуть не выронил котёл. — Я должен их увидеть!

Ведунья Власта повела новичков через двор. Мирон жадно разглядывал всё вокруг. Вот колодец, из которого вместо воды поднимается столб пара, и пар этот закручивается в причудливые фигуры. Вот яблоня, на которой одновременно цветут цветы и висят зрелые плоды — и яблоки эти переливаются золотом. Вот стайка белок, которые грызут орехи, сидя на перилах, и одна из белок, заметив Мирона, подмигнула ему и показала язык.

— Ух ты! — восхитился Петька. — А белки-то говорящие?

— Нет, — Соня усмехнулась. — Белки обычные. Это ты уже перегрелся.

Тем временем они подошли к главному терему — массивному зданию с высоким крыльцом, украшенным резны-

ми фигурами. На дверях были изображены четыре символа: цветок, молния, сова и снежинка с лучом — гербы факультетов.

— Сейчас вас разместят по комнатам, — объявила Власта. — До вечера можете отдохнуть, а затем все соберутся в Зале Стихий на Смотрины. Там Сердце Стихий определит, к какому факультету вы принадлежите.

Новенькие заволновались. Кто-то стал шумно гадать, кто куда попадёт, кто-то молился, чтобы не угодить на Северный Путь (о нём ходили мрачные слухи), кто-то хвастался, что у него вся семья Громобои и он, конечно, тоже будет Громобоем. Мирон молчал, сжимая в кармане варежки, связанные тётей Дусей.

Новеньких разместили в общих спальнях, но без разделения по факультетам — пока все считались «несмотрёнными». Мирону, Петьке и Соне досталась комната на троих в боковом крыле. Комната была маленькая, но уютная: три кровати с перинами, три сундука для вещей, окошко с видом на лес и — главное украшение — живой камин, в котором плясали огненные саламандры. При виде новосёлов саламандры засуетились, выстроились в ряд и принялись выделывать забавные фигуры, явно красуясь.

— Ой, прелесть какая! — захлопала в ладоши Соня. — Мама говорила, что в Беловодье есть ручные саламандры, но я не верила.

— А они не кусаются? — опасливо спросил Петька, прячась за свой котёл.

— Только если их обижать, — раздался голос из камина. Одна из саламандр — самая крупная, золотистая — высунула голову и посмотрела на Петьку с укором. — А мы никого не обижаем. Мы культурные. Меня, кстати, Искрой зовут. А вы будете здесь жить?

— Будем, — кивнул Мирон, присаживаясь на корточки. — Меня Мирон зовут. Приятно познакомиться, Искра.

Саламандра важно кивнула и скрылась в пламени.

После того как вещи были разобраны, трое друзей решили прогуляться по школе. Петька, конечно, тащил за собой котёл, который периодически капризничал, а Соня несла корзинку с Жар-травой, которая, казалось, мурлыкала, как кошка. Они обошли главный двор, заглянули в библиотеку (Петька чуть не остался там навсегда), прошли мимо оранжереи, где росли диковинные растения, в том числе куст, который подмигивал и говорил: «Не топчите корни!». У дверей

тренировочных залов стояли чучела для боевых заклинаний, и некоторые из них тихо переругивались друг с другом.

В одном из коридоров они наткнулись на Яромира Златова. Тот стоял, прислонившись к стене, и явно поджидал именно их.

— Ну что, готов к Смотринам? — усмехнулся он, глядя на Мирона. — Говорят, Северный Путь почти пустой. Может, и тебя туда не возьмут — вдруг Чаша решит, что ты не достоин?

— А может, и возьмёт, — спокойно ответил МIRON. — Тогда тебе придётся терпеть меня всю учёбу.

Яромир прищурился.

— Терпеть? Мой род никогда не терпел Хранителей. И не потерпит.

— Слушай, — вмешалась Соня, — ты чего к нам привязался? Мы тебе ничего не сделали.

— Вы — нет. — Яромир перевёл взгляд на Мирона. — А он — Ветров. А Ветровы — это всегда проблемы. Увидимся на Смотринах.

Он развернулся и ушёл. Петька шумно выдохнул.

— Вот же... неприятный тип. Чего он вообще?

— Златовы и Ветровы — старая вражда, — сказала Соня.

— Я кое-что читала. Во время последней войны с Владыкой Стужи между ними что-то произошло. Но подробностей не знаю.

— Я тоже не знаю, — тихо сказал Мирон. — Но узнаю. Обязательно.

Вечером, когда солнце село и над лесом зажглись первые звёзды, всех новичков собрали в Зале Стихий. Это было огромное круглое помещение с куполом, который терялся во мраке, словно над головами было небо. Стены зала украшали изразцы с изображениями четырёх стихий, и они двигались: волны плескались, огонь горел, листья кружились, а снежинки танцевали. В центре зала на массивном каменном постаменте покоилась Чаша из цельного льда, которая не таяла. Внутри Чаши пульсировал разноцветный свет — то синий, то красный, то зелёный, то белый, то золотой.

Вокруг Чаши стояли наставники и старшекурсники четырёх факультетов. Златоцветы — в золотистых кафтанах, с

травами и амулетами. Громобой — в зелёных, с посохами и молниями на гербах. Тайноборы — в белых, с книгами и хрустальными шарами. И Северный Путь — всего несколько человек в серебристо-синем, стоящих особняком.

Ведунья Власта подняла посох, и в зале воцарилась тишина.

— Сегодня Сердце Стихий откроет вашу истинную природу, — произнесла она. — Не бойтесь. Что бы ни показала Чаша, это не приговор. Это приглашение. Приглашение в семью, где вы найдёте учителей, друзей и путь к своей силе. Когда назовут ваше имя — подойдите к Чаше, положите на неё обе руки и прислушайтесь к себе. Стихия ответит.

Начали вызывать по списку. Первыми шли те, чьи фамилии начинались с букв ближе к началу алфавита. Атмосфера накалялась: кто-то выходил к Чаше, дрожа, кто-то — с бравадой, кто-то — с бледным лицом. Чаша вспыхивала то золотым, то зелёным, то белым. Златоцвет принимал новых учеников с улыбками и поклонами, Громобой — с одобрительными выкриками, Тайнобор — с загадочными кивками.

— Медведева София! — вызвали наконец.

Соня выдохнула, поправила корзинку и подошла к Чаше.

Она положила ладони на лёд, прикрыла глаза. Чаша засияла мягким золотым светом, и внутри неё распустился крошечный подсолнух.

— Златоцвет! — провозгласила Власта. Соня улыбнулась, кивнула Миرونу и Петьке, и перешла к группе золотистых кафтанов.

— Свиридов Пётр! — вызвали следом.

Петька икнул, поправил очки, споткнулся о собственный котёл, но всё же добрался до Чаши. Едва он коснулся льда, свет стал белым, и в воздухе над Чашей пронеслась стайка полупрозрачных птиц.

— Тайнобор! — объявила Власта. Петька издал сдавленный писк радости, подхватил котёл и побежал к белым кафтанам.

Потом вызвали нескольких человек, чьих имён Мирон не запомнил, а затем:

— Златов Яромир!

Яромир вышел вперёд с видом человека, который точно знает результат. Он едва коснулся Чаши, как та вспыхнула

ярко-зелёным, и над ней сверкнула миниатюрная молния.

— Громобой! — Яромир ухмыльнулся и присоединился к своему факультету, который встретил его одобрительным гулом.

Наконец:

— Ветров Мирон!

В зале стало так тихо, что Мирон слышал, как бьётся его собственное сердце. Он медленно подошёл к Чаше. Ледяная поверхность была гладкой, но, когда он положил на неё ладони, лёд показался ему удивительно тёплым. Он закрыл глаза и подумал об отце, о печке в Борках, о синем пламени, о варежках, которые лежали в кармане.

Ничего не происходило.

В зале зашептались. Яромир тихо хмыкнул. Соня и Петька замерли.

— Давай же, — прошептал Мирон. — Пожалуйста.

И тогда Чаша вздрогнула. Лёд внутри неё начал покрываться узорами — теми самыми, что он видел на полу в Бор-

ках. Затем из центра ударил столб синего пламени, холодного и яркого. Пламя поднялось до самого купола, и в нём закружились снежинки. Весь зал наполнился запахом зимы. Пламя перекинулось на руки Мирона, но не обжигало, а ласкало, как мягкий снег.

— Северный Путь, — выдохнула Ведунья Власта, и голос её дрогнул. — Морозное Пламя. Давно, очень давно мы не видели этого знака.

По залу прокатился гул. Кто-то ахнул, кто-то даже отшатнулся. Яромир побледнел и сжал кулаки. Соня и Петька зааплодировали, не сговариваясь.

Староста Северного Пути — молчаливая девушка с длинной серебряной косой, которую Мирон уже приметил раньше, — вышла вперёд и положила руку ему на плечо.

— Пойдём, Хранитель, — сказала она мягко. — Нас здесь не так много, но это не значит, что нас нет.

И Мирон пошёл. За спиной у него осталась Чаша Стихий, а впереди — горстка ребят в синем, которые смотрели на него с любопытством и надеждой. Он чувствовал, что встал на путь, который ему предначертан, и что с этой минуты его жизнь изменилась навсегда.

Глава 3. Первый урок и Лесной Шёпот

Утро в Беловодье наступило неожиданно рано — во всяком случае, так показалось Мирону, который полночи проворочался в постели, перебирая в голове события вчерашнего дня. Чаша Стихий, синее пламя, глаза Ведуньи Власты, в которых читалось что-то похожее на тревогу и надежду одновременно, и, наконец, первая ночь в комнате Северного Пути.

Комната эта была совсем не такой, как та временная спальня, где они разместились до Смотрин. Она располагалась в Северной башне — самой высокой и холодной, если судить по ощущениям. Стены здесь были сложены из серого камня с прожилками серебра, которые слабо светились в темноте, так что даже без свечей в комнате царил мягкий сумеречный свет. Потолок терялся в вышине, и там, наверху, медленно вращалось что-то вроде карты звёздного неба — живые созвездия, которые складывались в фигуры невиданных зверей и гасли, уступая место новым.

Общая гостиная Северного Пути представляла собой

круглый зал с куполом, в центре которого горел негасимый синий огонь — точь-в-точь такой же, какой Мирон видел в печке в Борках. Огонь этот не давал жара, но при этом в гостиной было удивительно тепло и уютно. Вдоль стен стояли низкие деревянные скамьи, крытые волчьими шкурами, и книжные стеллажи, заполненные старыми фолиантами в кожаных переплётах. На одном из стеллажей Мирон заметил запалённый посох с выжженным знаком снежинки — казалось, он пролежал здесь нетронутым много лет.

Их, первокурсников Северного Пути, было всего четверо. Кроме Мирона — худенькая девочка с короткими рыжими волосами по имени Велия, которая нервно теребила край кафтана и почти ни с кем не разговаривала; высокий парень с хмурым лицом, представившийся Севером (и Мирон долго не мог понять, имя это или прозвище); и, наконец, та самая веснушчатая девочка, которая вчера сказала про печку — Злата.

Злата была третьекурсницей и, похоже, единственной, кто искренне радовался пополнению. Она взяла на себя роль неофициального старосты младших: показала, где что лежит, объяснила, как пользоваться общей ванной (там вода разговаривала стихами и могла обидеться, если её не похвалить), и провела краткий инструктаж.

— У нас на факультете всего двенадцать человек, — рассказывала она, усадив новичков за круглый стол в гостиной. — Шесть парней, шесть девчонок, от первого до седьмого курса. Это меньше, чем в любом другом факультете. Златоцветов — сорок, Громобоев — пятьдесят, Тайноборов — тридцать пять. А нас — двенадцать. И то, если никто не ушёл.

— А уходят? — тихо спросила Велия.

— Бывает, — Злата помрачнела. — Морозное Пламя — сложная стихия. Оно не каждому даётся. Некоторые переводятся на другие факультеты, если Чаша разрешит. А некоторые... просто уходят из школы.

— Почему? — спросил Мирон.

— Потому что бояться, — Злата посмотрела ему прямо в глаза. — Люди боятся того, чего не понимают. А Морозное Пламя — это равновесие между жизнью и смертью, теплом и холодом. Не каждый готов носить в себе такое. Но тот, кто остаётся, — она обвела взглядом гостиную, где на стенах висели портреты бывших учеников, — становится сильнее, чем кто-либо. Потому что мы не просто маги. Мы — Хранители равновесия.

Она замолчала, и в гостиной на некоторое время повисла тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием синего пламени в центре зала. Мирон смотрел на портреты. Среди них было много суровых мужчин и женщин с такими же серыми глазами, как у него. Он подумал: «Сколько же Ветровых здесь училось? И где они теперь?»

— Ладно, — Злата хлопнула в ладоши, разгоняя мрачное настроение. — Завтра первый учебный день. Вас ждут занятия с лучшими преподавателями школы. Выспитесь, а утром я отведу вас в столовую. Только не опаздывайте: Самовар не любит, когда к нему приходят после звона.

— Самовар? — переспросил Петька, но Злата уже вышла, пожелав всем спокойной ночи.

Спальня первокурсников Северного Пути была маленькой, но удивительно уютной. Четыре кровати с балдахинами из серебристой ткани, четыре сундука с гербом факультета, четыре тумбочки, на которых стояли масляные лампы с синим пламенем. Окно выходило на лес, и всю ночь Мирону казалось, что он слышит, как деревья перешёптываются на своём древнем языке.

Пробуждение его вышло неожиданным. Сначала он сквозь сон почувствовал, как что-то мокрое и холодное каса-

ется его носа. Потом раздалось тихое урчание, переходящее в свист. Мирон разлепил веки и увидел перед собой мохнатую белую морду с голубыми глазами-бусинами. Существо было размером с кошку, но походило на помесь зайца и совы: длинные пушистые уши, круглые совиные глаза, перьевые крылья по бокам и пушистый хвост, которым оно сейчас щекотало Мирону лицо.

— Ай! — Мирон сел на кровати, чуть не стукнувшись головой о низкий балдахин. — Ты кто?!

Существо склонило голову набок, издало мелодичный свист и прыгнуло ему на колени. Оно оказалось удивительно лёгким и тёплым.

— Это Вьюжник, — раздался голос из соседней кровати. Там сидела Велия, в руках она держала такого же зверька, только поменьше и с серыми пятнышками на шёрстке. — Злата вчера говорила, что они живут при факультете. У каждого ученика Северного Пути есть свой Вьюжник.

— Правда? — Мирон осторожно погладил зверька. Тот заурчал ещё громче и прикрыл глаза от удовольствия. — А как его зовут?

— Они сами выбирают имена, — Велия пожала плечами.

— Вернее, они сообщают их тебе. Но не сразу. Мой пока молчит.

— Мой тоже, — пробурчал Север, который уже проснулся и теперь пытался застегнуть кафтан, а Выужник — крупный, почти чёрный — сидел у него на плече и с интересом наблюдал за процессом. — Только мешается под рукой. Слезь, говорю.

Чёрный Выужник и не подумал слезать, а, наоборот, перебрался Северу на голову и свесил оттуда хвост. Север тяжело вздохнул, но, кажется, не очень-то и злился.

Мирон посмотрел на своего зверька — белоснежного, с яркими голубыми глазами — и вдруг услышал в голове тихий звук, похожий на перезвон ледяных кристаллов. Имя пришло само собой, словно кто-то прошептал его прямо в мысли:

— Буран, — сказал Мирон. — Его зовут Буран.

Выужник радостно свистнул, подпрыгнул и сделал круг по комнате, оставляя за собой лёгкий снежный след, который тут же таял. Велия захлопала в ладоши.

— Ой, как красиво! Мой, наверное, тоже скоро имя ска-

жет.

Север только фыркнул, но Мирон заметил, что он украдкой улыбнулся, когда его Вьюжник лизнул его в ухо.

После умывания — вода в умывалке сегодня была в хорошем настроении и даже прочитала короткое приветственное четверостишие — все четверо отправились в столовую. Злата уже ждала их в гостиной.

— О, вижу, познакомились с Вьюжниками? — улыбнулась она. — Это хороший знак. Если Вьюжник выбрал тебя — значит, Северный Путь принял окончательно.

Столовая Беловодья представляла собой огромный зал с дубовыми столами, расположенными четырьмя длинными рядами. Над каждым столом парил светильник в виде символа факультета: золотой подсолнух Златоцвета, зелёная молния Громобоя, белая сова Тайнобора и серебряная снежинка Северного Пути. С потолка свисали живые ветви, на которых сидели маленькие певчие духи и выводили мелодии, подстраиваясь под общий гул голосов.

Стол Северного Пути был самым коротким — всего на двенадцать персон. Но накрыт он был не хуже других: пузатый самовар пускал пар, который складывался в причудли-

вые фигуры; на блюдах лежали горки блинов с разными начинками — творогом, мёдом, брусникой, сметаной; рядом стояли горшочки с кашей, запечённой до золотистой корочки, и кувшины с морсом.

Мирон уселся рядом со Златой, чувствуя на себе любопытные взгляды старшекурсников. Здесь были: угрюмый парень с седьмого курса, который ел молча, уткнувшись в книгу; две сестры-близняшки с пятого курса, которые переглядывались и хихикали, глядя на новеньких; ещё несколько человек, чьих имён Мирон пока не запомнил.

— Не обращай внимания, — сказала Злата, заметив его неловкость. — Все мы когда-то были новенькими. Они просто присматриваются.

В этот момент к столу подбежал Петька, сияя круглыми очками. За ним следовал его котёл, который сегодня был в хорошем настроении и даже не пытался никого укусить. Следом подошла Соня с неизменной корзинкой.

— Мирон! — закричал Петька ещё издалека. — Ты живой! Я так волновался, что тебя там заморозили! Смотри, что я узнал!

Он плюхнул на стол потрёпанный том «Основ Живы: как

не испортить стихию». Страницы книги были заложены десятками закладок.

— Тут написано, что Морозное Пламя — это единственная стихия, которая объединяет две противоположности. — тараторил Петька, не обращая внимания на недовольные взгляды старшекурсников. — Понимаете? Холод и огонь! Вода и пламя! Жизнь и смерть! Потому-то Хранителей и боялись: они могли создавать лёд, который горит, и пламя, которое замораживает. Это же невероятно! Это как если бы ты мог одновременно кипятить чай и замораживать его!

— Ты мешаешь людям завтракать, Свиридов, — раздался ледяной голос. К столу подошёл Яромир Златов в сопровождении двух громобоев-второкурсников, которые смотрели на Петьку с явной неприязнью. — Или у Тайноборов не принято соблюдать этикет?

Петька покраснел и начал складывать книгу, но Мирон встал.

— Он мне не мешает, — сказал он спокойно. — А если мешает тебе — твой стол вон там.

Он показал на дальний конец зала, где сидели Громобои. Яромир прищурился.

— Смелый стал, Ветров? Вчера едва говорить мог, а сегодня уже права качаешь. — Он сделал шаг ближе. — Мой дед был прав: такие, как ты, опасны. И чем раньше ты это поймёшь, тем лучше для всех.

— А такие, как ты, Яромир, — вмешалась Соня, вставая рядом с Мироном, — опасны своей глупостью. Ты даже не знаешь, о чём говоришь. Ты просто повторяешь то, что тебе сказали.

Яромир вспыхнул, но ответить не успел, потому что к ним подошла Злата.

— Проблемы, Златов? — спросила она с улыбкой, но глаза её при этом смотрели холодно. — Иди к своим. Здесь тебе не рады.

— Твой щенок-Хранитель долго не продержится, — процедил Яромир. — Помяни моё слово.

Он развернулся и ушёл. Петька шумно выдохнул.

— Вот же... неприятный тип! Чего он к нам привязался?

— Златовы всегда ненавидели Хранителей, — сказала Со-

ня, садясь за стол. — Я вчера порылась в библиотеке. Это тянется с войны. Тогда Хранители и Громобои были союзниками, но в решающей битве что-то пошло не так. Хранителя — твоего прадеда, Мирон, — обвинили в предательстве. Якобы он вступил в сговор с Владыкой Стужи.

— Якобы? — спросил Мирон.

— Доказательств не было, — Соня нахмурилась. — Но с тех пор Громобои ненавидят Северный Путь.

Мирон задумался. Значит, не просто так ему вспомнился тот ларец с выжженным символом снежинки на чердаке тётиного дома. Значит, всё это — часть большой и страшной истории, в которую он оказался втянут, сам того не зная.

После завтрака Злата раздала первокурсникам расписание. Первым уроком значилось «Основоведение Живы» у преподавателя Златогора Медведева — того самого, что написал учебник.

— О, это двоюродный дед Сони! — вспомнил Петька.

— Правда? — Мирон посмотрел на Соню.

— Правда, — вздохнула она. — Только он... немножко

странный.

— В каком смысле?

— Увидите.

Аудитория, в которой проходило Основоведение Живы, располагалась не в главном здании, а в гигантском дубе, который рос на краю школьного двора. Дуб этот был настолько огромным, что внутри его ствола помещался целый класс — с партами, вырезанными из капа, с кафедрой в виде пня и со светящимися грибами на стенах вместо ламп. Ветви дуба служили балками, и сквозь листву пробивался мягкий зелёный свет. Пахло мхом, древесной корой и чем-то сладким — не то мёдом, не то цветущей липой.

Когда первокурсники вошли и расселись, из-за кафедры вышел маленький старичок в мантии, расшитой живыми мхами и лишайниками. Борода у него была до пола, а на голове вместо шляпы рос настоящий мухомор, который старичок, кажется, не замечал. В руке он держал посох из скрученного корня, который слабо светился зелёным.

— Приветствую, юные чародеи, — прошамкал он, и голос его был похож на шелест листвы. — Я — Златогор Медведь, и я буду учить вас понимать Живу. — Он обвёл глазами

класс. — Ага, вижу свою внучатую племянницу. Софья, как там твоя Жар-трава, не зачахла?

— В полном порядке, дедушка, — ответила Соня, и Жар-трава в корзинке согласно закивала.

— Хорошо, хорошо... — Златогор кивнул и уставился на Мирона. — А ты у нас, стало быть, Ветров. Сын Светозара. — Он долго смотрел на Мирона, и в его старых глазах мелькнула печаль. — Похож. Очень похож. Только отец твой на первом курсе был ростом повыше.

Он вздохнул, постучал посохом по полу, и от этого стука по всему дубу прошла лёгкая дрожь, словно дерево проснулось. На стволах-стенах проступили светящиеся линии, складывающиеся в схему.

— Итак, Жива, — начал он. — Что это такое? Кто скажет?

— Это жизненная сила, которая течёт во всём живом, — тут же ответила Соня.

— Верно, — кивнул Златогор. — В деревьях, в траве, в животных, в воде, в воздухе, в огне и даже в камнях, если камень достаточно стар, чтобы помнить. Но главное — Жива течёт в нас. Мы, чародеи, умеем не просто чувствовать её,

но и направлять. Каждый Двор черпает Живу из своей стихии. Златоцвет — из земли и воды, поэтому среди них много целителей и травников. Громобой — из небесного огня и ветра, отсюда их склонность к боевой магии. Тайнобор — из духов и тонких материй, потому они прорицатели и заклинатели. А Северный Путь... — он снова посмотрел на Мирона. — Северный Путь черпает Живу из самого равновесия.

— Как это? — спросил Север, который сидел в углу и до этого не проронил ни слова.

— Хороший вопрос, — одобрил Златогор. — Представь себе весы. На одной чаше — тепло, на другой — холод. На одной — жизнь, на другой — смерть. На одной — огонь, на другой — лёд. Большинство чародеев кладёт силу только на одну чашу. А Хранитель может положить силу на обе. И тогда весы приходят в равновесие. Морозное Пламя — это сила, которая удерживает чаши в балансе. Потому-то она так редка и так... пугает неподготовленных.

— Значит, Хранители не злые? — тихо спросила Велия.

— Ни одна стихия не злая сама по себе, девочка, — сказал Златогор. — Злым или добрым её делает тот, кто ею управляет. — Он снова постучал посохом. — А теперь — практика. Возьмите по пёрышку.

Перед каждым учеником материализовалось птичье перо. Мирону досталось воробьиное — маленькое, коричневое, с белым пятнышком. Златогор объяснил, как нужно направлять Живу от сердца к ладони и дальше в предмет. У большинства перья начали тихо светиться, подрагивать. Петька так увлёкся, что его перо взлетело и приклеилось к потолку вместе с партой, на которой оно лежало. Соня заставила своё перо пустить корни и превратиться в крошечный цветок. Север заставил перо покрыться инеем — что вызвало одобрительное бормотание Златогора. А Яромир, который сидел с другой стороны дуба, заставил своё перо вспыхнуть зелёной молнией и сгореть в мгновение ока.

— Неплохо, Златов, — кивнул Златогор. — Но ты сжигаешь, а не управляешь. Подумай над этим.

Яромир нахмурился.

Наконец Мирон сосредоточился. Он чувствовал внутри знакомый холодок — тот самый, что был у Чаши на Смотринах. Холодок этот скручивался в тугой узел в груди и просился наружу. Мирон осторожно направил его в ладонь, к перу, стараясь не переборщить.

Но переборщил.

Перо не засветилось и не задрожало — оно покрылось льдом, стало прозрачно-голубым, словно вырезанным из сапфира, а потом с тихим звоном рассыпалось на тысячу ледяных иголок. Иголки не упали — они повисли в воздухе, мерцая синими огоньками, словно крошечные звёзды. От них веяло холодом, но при этом каждая иголочка была тёплой на ощупь — Мирон почувствовал это, когда одна из них коснулась его щеки.

В дубе воцарилась тишина. Слышно было, как пролетела муха. Петька открыл рот. Соня прижала ладони к груди. Яромир побледнел.

— Морозное Пламя, — прошептал старый Златогор, и голос его дрогнул. — Я не видел этого пятьдесят лет. С тех пор как твой отец покинул эти стены.

Иголки медленно растаяли, оставив после себя запах снега и какого-то острого, пряного воздуха — как после грозы, только зимней. Ученики смотрели на Мирона кто с восхищением, кто с ужасом. Яромир сжал кулаки.

— Поздравляю, Ветров, — сказал он громко, но в голосе его слышалась дрожь. — Ты даже перо не удержал. Что будет, когда ты на живого человека эту силу направишь? За-

морозишь? Или сожжёшь?

— Златов, замолчи! — резко произнёс Златогор. — Ещё одно слово — и ты отправишься к директору.

Яромир замолчал, но взгляда от Мирона не отвёл. В этом взгляде читалось не только презрение, но и страх. И, как ни странно, что-то ещё — может быть, даже зависть.

Когда занятие закончилось и ученики потянулись к выходу из дуба, Мирон почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Это был Златогор.

— Задержись на минутку, Ветров, — сказал старик.

Петька и Соня вопросительно посмотрели на Мирона, но тот кивнул им: идите, мол, я догоню. Когда класс опустел, Златогор опустился на стул из капа и тяжело вздохнул.

— Твой отец был моим учеником, — сказал он, глядя в стену. — Лучшим из лучших. Он тоже не мог удержать перо на первом уроке. Зато на седьмом курсе он уже мог заморозить целое озеро, не повредив ни одной рыбине. — Старик перевёл взгляд на Мирона. — Но его боялись. И это его погубило.

— Что с ним случилось? — спросил Мирон. — Пожалуйста, расскажите.

Златогор долго молчал. Потом заговорил:

— Когда Владыка Стужи восстал в последний раз, твой отец был Верховным Хранителем. Он верил, что Владыку можно не уничтожить, а исцелить. Говорил, что Стужа — это искажённая Жива, что Владыка когда-то был человеком, а стал тем, кем стал, из-за предательства и боли. Но другие Дворы не хотели слушать. Они требовали войны. Твой отец пошёл к Владыке один — якобы для переговоров. И не вернулся. А после битвы его обвинили в сговоре с врагом.

— И вы верите, что он предатель? — тихо спросил Мирон.

— Я верю, — сказал Златогор, — что он знал что-то, чего не знали другие. И что он пытался всех спасти. Но правды я не знаю. Может быть, ты узнаешь.

Он поднялся, и урок был окончен.

После обеда Мирон не пошёл со всеми в библиотеку, а решил прогуляться по лесу вокруг школы. Ему нужно было подумать. Слишком много всего свалилось за последние два дня: школа, Чаша, Северный Путь, Морозное Пламя, отец,

Яромир... В голове гудело, как в улье.

Беловодский лес встретил его тишиной. Здесь не было ни птиц, ни шороха листьев — только тихий, едва уловимый звон, словно где-то далеко звенели колокольчики. Деревья стояли высокие, прямые, как свечи, и их кора серебрилась на солнце. Под ногами стелился мох, мягкий, как перина, и такого насыщенного изумрудного цвета, что казался нарисованным.

Мирон шёл по тропинке, которая сама стелилась ему под ноги, и думал об отце. Каким он был? Что чувствовал, когда учился здесь? Знал ли он, что однажды его сын тоже придёт сюда и будет стоять перед Чашей с колотящимся сердцем?

Внезапно он услышал шёпот.

Сначала ему показалось, что это ветер играет в кронах, но потом шёпот стал различим, и Мирон разобрал слова:

— ...Ветров... Ветров пришёл... кровь Хранителя... лес помнит...

Он остановился. Шёпот доносился от старой ели, чей ствол был обвит плющом и покрыт светящимся голубым мхом. Мирон подошёл ближе и приложил ладонь к коре. Де-

рево было тёплым. И оно говорило.

— Лес помнит Светозара, — шелестели ветви. — Лес помнит Весению. Лес помнит тебя, маленький Хранитель. Ты был здесь до того, как родился.

— Что это значит? — прошептал Мирон.

— Иди вглубь, — ответил шёпот. — Там, где корни сплетаются в Круг. Там ждёт дар.

Мирон колебался лишь мгновение. Потом решился и шагнул с тропинки в чащу.

Лес менялся по мере того, как он углублялся. Деревья становились толще и старше, мхи — ярче, а воздух — холоднее. Вскоре Мирон вышел на небольшую поляну, в центре которой лежал огромный плоский камень, окружённый сплетёнными корнями. Камень был покрыт резьбой — теми же знаками, что и на письме из школы.

На камне лежал медальон. Каменный, покрытый ледяной коркой, внутри которой что-то слабо светилось синим. Мирон протянул руку, и едва его пальцы коснулись медальона, как мир вокруг него исчез.

Он увидел зал, полный зеркал. В центре зала на пьедестале из векового льда парил осколок — размером с ладонь, прозрачно-голубой, с кружащейся внутри метелью. И голос, глубокий и родной, произнёс:

«Приди, Хранитель. Открой Первый Чертог. Ищи Сердце Зимы, пока Владыка не собрал его первым. И помни: не всё то, чем кажется, является на самом деле. Даже враг может оказаться другом, а друг — врагом. Будь мудр, сынок».

Видение исчезло. Мирон стоял на поляне, сжимая в руке медальон. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

— Отец?.. — прошептал он в пустоту.

Лес молчал. Только где-то вдалеке заухала сова, и медальон в его руке тихо завибрировал, словно указывая путь.

К школе Мирон вернулся затемно. В гостиной Северного Пути его ждали: Злата, Север, Велия, Петька и Соня. При виде Мирона все повскакивали с мест.

— Где ты был?! — набросился на него Петька. — Мы тебя обыскались! Уже хотели к Ведунье идти!

— Я был в лесу, — сказал Мирон и положил медальон на стол.

Все склонились над находкой. Соня осторожно коснулась ледяной корки.

— Это магия Хранителей, — сказала она. — Очень древняя. Смотрите: здесь выгравирована снежинка с лучом — символ Северного Пути.

— И руны, — добавила Злата, прищурившись. — «Чтобы войти, оставь страх у порога». Это ключ к Чертогу.

— К Чертогу? — переспросил Север.

— В лесу вокруг школы есть Чертоги Испытаний, — объяснила Злата. — Их построили первые Хранители, чтобы испытывать свою силу. Говорят, в каждом Чертоге спрятан осколок Сердца Зимы. Если собрать их все, можно либо повелевать вечной зимой, либо...

— Либо остановить того, кто пытается это сделать, — закончил Мирон. — Владыку Стужи.

В комнате повисла тишина. Потом Петька, как обычно, не выдержал:

— Мы должны найти Чертог! Это же приключение! Настоящее! Как в книжках!

— Это опасно, — возразила Соня. — Но я с тобой, Мирон. Если ты решишь идти — я пойду.

— Я тоже, — кивнула Злата.

— И я, — неожиданно сказал Север. — Нечего отсиживаться, пока другие рискуют.

Велия молча кивнула.

Мирон посмотрел на друзей. Сегодня утром они были незнакомцами, а теперь — командой, готовой идти за ним в неизвестность.

— Тогда договорились, — сказал он. — Завтра идём. Пора узнать, что скрывает Первый Чертог.

Глава 4. Первый Чертог

На следующее утро Мирон проснулся затемно, хотя Буран, его Выужник, ещё даже не пытался щекотать ему нос. За окном Северной башни едва занимался рассвет, окрашивая верхушки сосен в нежно-розовый цвет, и лес казался безмолвным и загадочным. Где-то в его глубине, скрытый от посторонних глаз, ждал Первый Чертог — древнее сооружение, построенное первыми Хранителями много веков назад.

Мирон оделся особенно тщательно. Поверх форменного кафтана он накинул лёгкую студенческую шубу, выданную вчера Златой («На Северном Пути без шубы никуда, даже в сентябре»), проверил, на месте ли варежки, связанные тётей Дусей, и спрятал за пазуху медальон. Тот был холодным на ощупь, но не обжигал — напротив, его холод казался живым и дружественным.

Буран сидел на спинке кровати и смотрел на хозяина голубыми глазами-бусинами. Казалось, он понимал, что затевается что-то важное.

— Ты со мной не пойдёшь, — тихо сказал ему Мирон. — Это может быть опасно. Жди здесь.

Вьюжник издал недовольный свист, но спорить не стал — только обиженно отвернулся и накрылся собственным крылом. Мирон усмехнулся и вышел в гостиную.

Там уже собрались остальные участники вылазки. Соня, как всегда, со своей корзинкой, из которой выглядывала Жар-трава. Петька — с неизменным котлом и потрёпанным томиком «Чертоги и ловушки: как не пропасть в древних подземельях». Север стоял у стены, скрестив руки, и вид у него был, как всегда, хмурый, но в глазах горел азартный огонёк. Велия нервно перебирала край своего кафтана, но пришла — и это уже было смелым поступком. Злата, как самая старшая, проверяла снаряжение: связку факелов (хотя Жар-трава светила лучше), моток прочной верёвки, флягу с живой водой и мешочек с сушёными защитными травами.

— Все здесь? — спросила она, оглядев отряд. — Отлично. Тогда слушайте последний инструктаж. Идём тихо, лес сейчас спит, но если разбудить — может и рассердиться. В Чертог входим все вместе, но первым идёт Мирон — медальон его, ему и открывать. Если что-то пойдёт не так, не геройствуем. Отступаем и зовём на помощь. Всем всё ясно?

— Так точно, командир, — пошутил Петька, но шутка вышла нервной.

— Тогда вперёд. И помните: мы — одна команда. Что бы ни случилось.

Они выскользнули из башни, стараясь не шуметь. Школа ещё спала, только в окнах кухни горел свет — видимо, домо-вые уже готовили завтрак. Отряд пересёк пустой двор, миновал колодец с синим паром, который на рассвете казался особенно таинственным, и нырнул в лес.

Утренний лес встретил их тишиной и запахом прелой хвои. Где-то высоко в кронах перекликались невидимые птицы, и их голоса звучали как музыка. Под ногами мягко пружинил мох, а воздух был таким свежим и холодным, что каждый вдох отдавался в груди приятным покалыванием. Отряд шёл по тропинке, которую, казалось, никто не прокладывал — она сама стелилась под ноги, словно лес признавал их и приглашал вглубь.

Мирон сжимал в руке медальон. Тот вибрировал и тянул вперёд, как стрелка компаса. Иногда вибрация усиливалась — и тогда Мирон сворачивал с тропинки в чащу, и лес расступался перед ним, убирая колючие ветки и открывая проходы, которых, казалось, секунду назад не существовало.

— Никогда такого не видел, — прошептал Петька, когда

очередная ветка сама отодвинулась, пропуская их. — Лес словно узнаёт Мирона.

— Так и есть, — подтвердила Соня. — Мама рассказывала, что Беловодский лес — не просто лес. Он помнит всех, кто когда-либо здесь учился. Говорят, первые Хранители посадили эти деревья и вдохнули в них часть своей души. Поэтому лес служит Хранителям — если они приходят с добрыми намерениями.

— А если с недобрыми? — спросила Велия, которая держалась позади всех.

— Тогда лес может и не выпустить, — мрачно ответил Север. — Но мы с добрыми, так что не бойся.

Они шли уже около часа. Лес становился гуще, деревья — выше и старше. Мох на стволах светился всё ярче, и вскоре отряд вошёл в такое место, где царил вечный сумрак, разбавленный мягким голубым свечением. Именно здесь, в небольшой ложине, заросшей папоротником, медальон завибрировал особенно сильно.

— Здесь, — сказал Мирон, останавливаясь. — Первый Чертог где-то рядом.

Они принялись осматривать лощину. Петька чуть не провалился в яму, прикрытую папоротником, но Север вовремя схватил его за шиворот. Соня нашла среди корней старого дуба вырезанные руны — те же, что были на медальоне. А Злата заметила, что папоротник в одном месте растёт как-то странно — словно занавешивает проход.

Она раздвинула заросли, и все увидели каменную арку. Она была сложена из серого камня, покрытого мхом и лишайником, и выглядела так, будто простояла здесь не одну сотню лет. В проёме клубился холодный туман, и из него веяло зимней стужей. На арке были выбиты слова, которые Мирон сразу узнал — они были точь-в-точь как те, что Злата прочитала на медальоне: «Чтобы войти, оставь страх у порога».

— Вот он, — прошептал Петька, и голос его дрогнул. — Первый Чертог.

Мирон шагнул к арке. Холод, идущий из проёма, обнял его, но не оттолкнул, а словно позвал. Он чувствовал: там, внутри, что-то ждёт его. Что-то, связанное с отцом, с Ветровыми, с его собственной судьбой.

— Помните, о чём я говорила, — сказала Злата. — Держимся вместе. Если страшно — говорите. Лучше признать-

ся в страхе, чем потом жалеть.

— Я боюсь, — честно сказала Велия.

— Я тоже, — неожиданно добавил Север. — Но это не повод возвращаться.

— Тогда вперёд, — сказал Мирон. — И спасибо вам, что вы со мной.

Он первым шагнул в туман. Холод на мгновение обжёг лицо, но тут же отступил, и Мирон очутился внутри Чертога.

Пространство, открывшееся за аркой, поражало воображение. Это был длинный коридор, стены которого состояли из чистого льда — но льда необычного, прозрачного, как горный хрусталь. Внутри стен, словно в витринах, были заключены древние предметы: посохи, книги, свитки, амулеты. Некоторые из них слабо светились, другие были покрыты изморозью, но все они казались невероятно старыми и полными тайного смысла.

Коридор освещался синими огнями, которые плясали под потолком, словно живые. Они не давали тепла, но их свет был достаточно ярким, чтобы видеть дорогу. Пол был выложен каменными плитами, на которых проступали руны, и

стоило наступить на такую руну, как она загоралась на мгновение и гасла.

— Красиво-то как... — выдохнула Соня, входя следом за Мироном. Жар-трава в её корзинке засветилась ярче, словно отвечая на холод Чертога.

— И жутко, — добавил Петька, поправляя очки. Его ко-
тёл сердито бурчал и не хотел идти дальше, но Петька под-
толкнул его коленом, и тот нехотя поплёлся следом.

Все шестеро прошли коридор и вышли в круглую залу с куполом из цельного льда. Здесь свет был ярче, и в центре залы стоял высокий пьедестал, на котором лежал всё тот же медальон — вернее, его близнец. А вокруг пьедестала, вдоль стен, располагались сотни ледяных кристаллов, каждый размером с человеческую голову. Они свисали с потолка, как сосульки, и внутри каждого что-то медленно двигалось — словно дым, складывающийся в образы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.